

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ: ИГРЫ ПАМЯТИ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена проблеме соотносительности феноменов исторической памяти и идентичности в контексте повседневных практик. Аргументирована необходимость анализа повседневной жизни как реального «хронотопа» человеческого существования с целью выстраивания новой модели идентичности – способа нашего со-присутствия в мире. Весьма значимым и продуктивным представляется методологический подход, рассматривающий повседневность как сеть определенных практик, носящих тактический характер, в противовес «стратегиям» институциональных форм социальности.

Введение

Связка понятий «идентичность» и «память» стала уже совершенно привычной и легитимной для современного философского дискурса. Однако если проблема идентичности, неразрывно связанная с определением и самоопределением того или иного субъекта действия (отдельного человека, социальной группы, культурной общности), является своего рода вечной темой философского и в целом гуманитарного знания (хотя может принимать различные формы своей тематизации), то проблема социальной и исторической памяти актуализируется как следствие серьезных социокультурных сдвигов, определенных социальных и политических конфликтов. В наше время, отмеченное сложными миграционными процессами и обострением различного рода социальных конфликтов, тема памяти становится одной из приоритетных в гуманитарных науках. Это совершенно закономерно, так как память с неизбежностью вовлекается в стратегические игры власти, в спор социальных институтов и конфликтующих групп и как резервуар смыслов, и как «критерий истины», призванный подкрепить правоту той или иной стороны, и как набросок будущего. Возникает оправданный соблазн выстраивания стратегий исторической памяти, которые, в свою очередь, становятся определенным идеологическим ресурсом. Однако именно в такие переломные моменты происходит и качественный скачок в формировании и осмыслении национальной и культурной идентичности, что ярко демонстрирует тесную переплетенность идентичности и памяти. Вероятно, именно взаимосоотнесенное рассмотрение этих феноменов не только делает возможным приближение к пониманию сути каждого из них, но может внести существенные коррективы в актуальную социальную и культурную политику.

Однако ближайшее рассмотрение исследуемых феноменов диктует необходимость «смены фокуса». Отвлеченно-теоретическая трактовка идентичности и памяти, характерная для классической парадигмы, оказывается несостоятельной перед лицом вызовов современности. В силу этого представляется плодотворным взглянуть на процессы формирования идентичности в их подлинном жизненном контексте – пространстве повседневной жизни, где и разворачивается живая человеческая экзистенция.

Цель статьи – выявление роли исторической памяти в становлении идентичности в контексте повседневных практик. Реализация данной цели может быть достигнута через решение следующих задач: 1) определение специфики и «эвристической недостаточности» классической модели идентичности; 2) показ парадигмальных сдвигов в понимании феномена исторической памяти; 3) анализ повседневных практик как пространства становления идентичности.

Идентичность как тема классической философии

Если обратиться к классическому пониманию идентичности, то становится очевидным, что ее трактовка неразрывно связана с новоевропейской моделью субъективности. Эта модель, в пределе сводящая всякую субъективность к сущностным характеристикам субъекта познания как изолированного самовластного субъекта, на деле, как показывают М. Фуко и Ж. Делёз, является следствием определенных процессов субъективации, маркирующих историю европейской культуры. Субъект как наделенное способностью самосознания активное начало оказывается результатом воздействия внешних сил; форма субъективности есть результат сформованности, воздействия тех или иных властных стратегий. В качестве иллюстрации этого тезиса выступает концепция «складки» как эвристическая модель рождения субъективности в Древней Греции, где субъект, а вернее, форма субъективности, становится результатом удвоения-складки властных отношений. Искусство самоуправления, приводящее к рождению субъекта, оказывается следствием необходимости для всякого свободного научиться искусству управления. Как ни странно, но в пределе эта модель сводит субъекта к пространственным характеристикам, ибо форма есть своего рода внешняя граница, то, что может быть «ощупано» взглядом извне, что задано дистанцией, присущей стороннему наблюдателю [1, с. 58–60]. В новоевропейской философской традиции вследствие последовательного абстрагирования эта дистанция трансформируется в дистанцию рефлексии и саморефлексии, определяющую изолированного самовластного субъекта познания. Эта дистанция доводится до логического конца, модель субъективности, представляющая субъекта как некую заданную универсальную форму, абсолютизируется, и, как следствие, процесс субъективации (становление субъектом), с одной стороны, утаивается, выводится за скобки, а с другой – превращается, по словам Ж. Делёза, в субъекцию, т.е. в приведение, во всегда равную себе и узнаваемую форму идентичности на основе принуждения властью [2, с. 237].

Это, в свою очередь, приводит к тому, что в классической парадигме идентичность, как и сама субъективность, оказывается связана формой и границей. Она нацелена не только на обретение некой определенности, точки устойчивости, но и на дистанцирование, отделение от другого, чужого, на разделение и разграничение. Причем эта «топология», это разделение и разграничение заданы извне. Они являются результатом властных стратегий, чье влияние тем более действенно, чем больше завуалировано. В таком случае процесс самоидентификации сводится к принятию или отторжению этих положенных извне границ. Ярким примером тому служат разнообразные, иногда и разнонаправленные попытки национальной и культурной идентификации и самоидентификации на постсоветском пространстве. Так, например, согласно ряду исследований, в постсоветских странах Балтии старшее поколение граждан все еще стремится идентифицировать себя с национальной или этнической группой, в то время как молодые люди предпочитают видеть свою культурную идентичность в принадлежности к европейской общности как таковой. Однако такая социальная «топология», определенный извне «порядок мест» таит в себе существенный изъян. Кто бы ни занимал позицию наблюдателя, из какой бы точки ни исходили эти формирующие властные стратегии, в любом случае, это определенная локальная позиция. Но волевая экспансия, лежащая в сердцевине европейской культуры, неизбежно пытается абсолютизировать эту точку видения, превратить ее из локальной в универсальную. Пренебрегая своей темпоральной, конечной природой, человек (не важно, в лице индивида или социального института) тщится превратить свое видение в «глаз Бога», предъявляя тем самым претензию на абсолютность и незыблемость проложенных им границ.

Идентичность и историческая память

Вот здесь и берут свое начало достаточно опасные процессы, вовлекающие в свои игры и историческую память. Для подтверждения своей правоты, вернее, для манифестирования своей точки зрения как единственно возможной исторической «правды» те или иные социальные субъекты пытаются искусственно моделировать схемы исторической памяти, стремясь подогнать их под свои стратегические цели. Такие попытки базируются на классическом подходе к пониманию истории и феномена исторической памяти, где история замещается историографией, превращается в некую историческую «картографию» с заданной извне (с позиции историка-систематизатора) системой «готовых мест». Эти «готовые места» не только задают концептуальную рамку трактовки разрозненных исторических фактов, но и намечают границу культурной, национальной и т.д. идентичности посредством моделирования исторической памяти. В соответствии с пониманием идентичности как некой равной себе формы, определенности память рассматривается как реестр свершившихся фактов, как оплотнение смыслов, призванных подтвердить и удержать определенную историческую «правду». Причем сложная диалектика памяти и забвения, посредством которой память и становится феноменом живой человеческой экзистенции, сводится порой к примитивному нарочитому умалчиванию фактов и событий, не укладывающихся в заданную систему координат. Выстраиваются различные исторические мифы, которые иногда становятся катализаторами вполне реальных социальных конфликтов.

Память в повседневности

Построение вышеописанных моделей идентичности и исторической памяти становится возможным в результате изначально допущенной идеализации, которая позволила свести понимание человеческой субъективности к изолированной форме и границе, к точке самовластия и самостояния (которая на деле оказывается заданной извне). Изолированный самовластный субъект есть не что иное, как абстракция, не имеющая действительных экзистенциальных и исторических проекций. Именно поэтому неклассическая философия смещает акценты в понимании субъективности с эпистемологической в экзистенциально-онтологическую плоскость. Человек всегда находится в потоке времени и обстоятельств, его бытие по сути своей темпорально. Он всегда погружен в череду будней, в хитросплетение «здесь и сейчас», в сложную сеть взаимосвязей и взаимозависимостей с людьми и вещами – в то, что можно обозначить очень емким, но достаточно многозначным словом «повседневность». Классическая традиция практически вытеснила тему повседневности на периферию философского дискурса, поскольку сама повседневная жизнь как череда «серых будней» считалась неподлинной сферой человеческого существования, сферой, где рассеивается сознание и воление, а значит, исчезает и сам субъект. Представляется, что именно обращение к повседневности, ворвавшейся в предметный круг философии в XX в., позволяет не только преодолеть тупики, к которым приводит новоевропейская трактовка субъективности, но и скорректировать понимание идентичности и исторической памяти. При всем уничтожении, которому подвергалась повседневность в предшествующей культурной традиции, именно она и есть реальный «хронотоп» человеческого существования. Наше экзистенциальное время есть не что иное, как ежедневно проживаемое и ускользающее «сейчас», как живая связь прошлого и будущего, переживаемая в настоящем моменте. Строго говоря, как напоминает нам М. де Серто, примерно это древние греки и понимали под словом «память». Греческая *metis* – форма разума, «всегда погруженного в практику», есть специфическая рациональность повседневности. Это темпоральная практика, которая рассчитывает на благоприятный момент – *kairos*. Она неразрывно связана с особым знанием, или даже искусством, которое и является *памятью*. Серто напоми-

нает о том, что в античности память обозначала присутствие множественности времен и не ограничивалась только прошлым, связывая воедино уже произошедшие и возможные конкретные события. Но это никоим образом не коллекция готовых мест – «оттисков» событий, «память – это анти-музей» [3, с. 208], это средство изменять места. Таким образом, память связывает пространство и время, включая момент каузальности и спонтанности, в размеренную систему мест и изменяясь сама: «Подобно птицам, откладывающим свои яйца только в чужих гнездах, память что-то производит в том месте, которое не является ее собственным... Ее мобилизация неотделима от *искажения*. Происходит двойное искажение – памяти, которая работает только тогда, когда на нее оказывается воздействие, и ее объекта, который удерживается в памяти только когда он исчез. Когда эта способность утрачивается, память слабеет... Не будучи ни ковчегом, ни урной, в которой хранится прошлое, память живет за счет *веры* в возможности и неусыпно подстерегает их появление» [3, с. 178]. Именно память делает время «живым», связывая прошлое, настоящее и будущее и переворачивая стратегический порядок мест. Т.е. подлинная память не является ни реестром, ни каталогом, она не может быть собранием «готовых фактов», она «проживается», актуализируя забытое в зависимости от специфики переживаемого момента. В силу этого память не «слипается» с идентичностью как готовой формой и не формует ее, как ваятель глину. Память вплетена в сложные процессы идентификации, порожденные не в последнюю очередь повседневными практиками.

Повседневные практики и идентичность

Повседневные практики, прежде всего, темпоральны. Они основаны на проживании последовательно сменяющихся друг друга моментов, выборе удобного случая и возникающего в повторении различия. Но в них присутствует и мощный заряд пространственности, поскольку они телесно вплетают человека в окружающий мир, включая в сложные взаимодействия с материальными вещами и другими людьми, размывая устоявшиеся представления о границах и чеканность установленных форм. Самые обыденные и привычные практики обживания жилища, приготовления и потребления пищи, освоения городского пространства и т.д. дают нам множество примеров подобного взаимодействия человека с окружающим его предметным миром и другими людьми. В силу этого можно утверждать, что память также сплетается с нашим вотелесненным присутствием в мире, порождая сложные игры припоминания и забвения и приводя к возникновению идентичности как способа *со-присутствия* в мире. У каждого человека и у каждой культуры есть свое экзистенциальное время и свое пространство, в которые нельзя искусственно переместиться, но можно пережить опыт присутствия, если произойдет некое пересечение «хронотопов».

Однако анализ становления идентичности в сети повседневных практик будет неполным без обозначения специфики самих этих практик. Неклассическая философия отмечена не только проблематизацией повседневности, но и радикальным переосмыслением ее природы. Помимо утверждения множественного и многоуровневого характера повседневности (это не гомогенное образование, а сложная сеть различных практик), ряд мыслителей [3; 4] указывает на активный характер повседневности. Ей присущ специфический вид активности (ошибочно принимавшийся ранее за пассивное потребление приходящих извне продуктов производства, идеологии, политики и т.д.), противостоящий стратегической деятельности институализированных социальных субъектов. Эта активность носит тактический характер, она избирательна и изменчива, гибка и вариативна. Внутри магистральных линий, прочерченных властными стратегиями, она создает тончайшую разветвленную сеть потребления-сопротивления. Так пешеходы протаптывают удобные им тропинки среди прочерченных «стратегическим планом» со-

здателей городского ландшафта асфальтовых магистралей. Так живет обыденный язык, обеспечивающий реальное понимание зачастую вопреки четким официальным правилам литературного языка. Тактики связаны с упомянутой выше практической рациональностью, они избирательны и событийны, и именно поэтому они создают условия для рождения идентичности не как навязанной извне готовой формы, не как результата деятельности неких стратегических формирующих сил, а как подвижного живого образования, возникающего в сложных пространственно-временных взаимодействиях с миром, в «играх» памяти и забвения.

Заклучение

Таким образом, идентичность процессуальна и исторична, она возникает в сложной сети телесно-пространственных и темпоральных взаимосвязей человека с миром и укоренена в повседневных практиках. Соответственно, сознательно выстроенные стратегии формирования идентичности посредством апеллирования к исторической памяти и культивирования определенных коммеморативных практик могут привести к непредсказуемым последствиям, если они сбрасывают со счетов укорененность нашего индивидуального и культурного «я» в повседневности. Отсюда следует, что всякая культурная и национальная политика, направленная на формирование идентичности, может претендовать на эффективность только в том случае, если она принимает во внимание не только стратегическую канву официальной историографии, но и сложные многоуровневые процессы рождения и культивирования исторической памяти внутри повседневных практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nalivaika, I. Subjectivity / I. Nalivaika // *Phenomenology of the Everyday* / ed. I. Nalivaika, M. B. Tin. – Oslo : Novus Press, 2014. – P. 50–83.
2. Делёз, Ж. Складчатость, или внутренние мысли (субъективация) / Ж. Делёз // *От Я к Другому* : сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога ; науч. ред. А. А. Михайлов. – Минск : Менск, 1997. – С. 223–253.
3. Де Серто, М. Изобретение повседневности. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
4. Lefebvre, H. *The Everyday and Everydayness* / H. Lefebvre // *Yale French Studies* (73). – Yale, 1987. – P. 7–11.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2017

Nalivaiko I.M. Everyday Practices: the Play of Memory and Forming of Identity

The article is devoted to the problem of interrelationship between the phenomena of historical memory and identity in the context of everyday practices. The author argues that it is necessary to appeal to the analysis of everyday life as a real «kchronotop» of human existence in order to create a new model of identity based on a mode of our co-existence in the world. The most productive seems to be a methodological approach dealing with the everyday as a network of definite practices possessing tactical character in the contrast to the «strategies» of institutional forms of sociality.